

Продолжение. Начало — в № 34

ЛЮДИ, УСЛЫШАВШИЕ учение Фёдорова, делятся на две основные категории: тех, кто не может переносить это учение, отбрасывает от себя его логику, которая кажется им сошедшей с пути здравого смысла, и на тех, кто завоёрождён идеями общего дела и воскрешения предков и не желает с ними расстаться.

Александр Проханов, безусловно, относится ко вторым, он ученик и продолжатель Фёдорова, при этом он усматривает такую перспективу, такие новые грани и пределы, до которых сам Фёдоров и большинство космистов не успевали добраться.

Всем своим творчеством Проханов как летописец современности ведёт "жадную погоню за исчезающими событиями", ищет и обретает следы ушедшей души, он стремится воскресить эту душу по обрётённым следам. Для него это образы и отпечатки тех, кто уже не с нами, но, как он верит, не оставили нас. Утраченные, исчезнувшие события, неуловимые тончайшие состояния бытия ожидают нас в непознанной глубине мироздания; ушедшие люди так же ожидают встречи с нами. Долг писателя — ненаписанные словами вещи сделать написанными, запечатлеть, зафиксировать их, участвуя в создании какой-то запредельной Книги Памяти...

Как-то я спросил Александра Андреевича, какие чувства вызвали у него многочисленные остоны порушенных русских храмов, повсюду встречающиеся ему в молодости в его странствиях по российской глубинке. И он ответил парадоксально: то была не скорбь, не гнев, а скорее щемлящая боль и ощущение того, что эти обезглавленные и осквернённые церкви оставались в родном пространстве как удивительные благие вестники. Они питали миллионы людей своим тихим и кротким присутствием.

В эссе "Бессмертный знаменосец" Проханов развил эту мысль так: "Стоящие по всем бурмам, на площадях городов, на сельских улицах, эти поруганные церкви продолжали проповедовать. Их влияние

ствовать, сотрудничать и даже дружить. Их может объединять не только торговый или технологический обмен, но и великое общее дело, жизнь "со всеми и для всех" (по формуле Фёдорова). Именно на таком пути и раскрывается смысл человечества как соборного начала, как некоторого неслиянного единства, братства поверх культур, языков и религиозных школ.

Это глубоко русский взгляд на мир, взгляд, который не только в теории, но и на практике — в освоении Россией евразийского пространства, в приятии этого пространства и его общин в свою плоть и кровь — доказательно проявил себя.

Совсем другое отношение к цивилизации всегда и всем навязывается Западом. Там широко распространена идея скверны цивилизации, связанная с тем же самым гностическим по своему происхождению гнушением телом и материальным миром. Для большинства их мыслителей цивилизация противоположна культуре как её суррогат, как внешняя мертвящая оболочка, либо как поздняя стадия развития (отмирания и разложения культуры). Отсюда и такая ожесточённость, остервенелость западных "зелёных", воюющих с буквально "убивающей всё живое" (как они мнят) высокоразвитой цивилизацией.

Запад сам породил проблему техногенной перегрузки и общества потребления, пожирающего огромный поток ресурсов. И сам же Запад пытается, разбиваясь в кровь, во что бы то ни стало разрешить эту проблему. Но при этом он со своей универсалистской слепотой не предполагает, что другие культуры имеют собственное, отличное от его, видение, имеют и своё право голоса в решении судеб техносферы. Запад не может принять идею множественности цивилизаций. И даже когда признаёт её на словах — тут же отрицает на деле.

Проханов сделал решительный шаг в сторону одухотворения техносферы, воспел и "призвал к жизни" само "железо", скрежещащие механизмы, из которых сплетается её целое. В нём он узрел не костыли, не протезы, а одушевлённую

достаточным сроком, чтобы всё ему крайне надоело..."

В том же трактате выведен Конфуций, который, выслушав максимы о законности и естественности смерти, отвечает даосы: "Прекрасно! Как умеете вы утешать самого себя!"

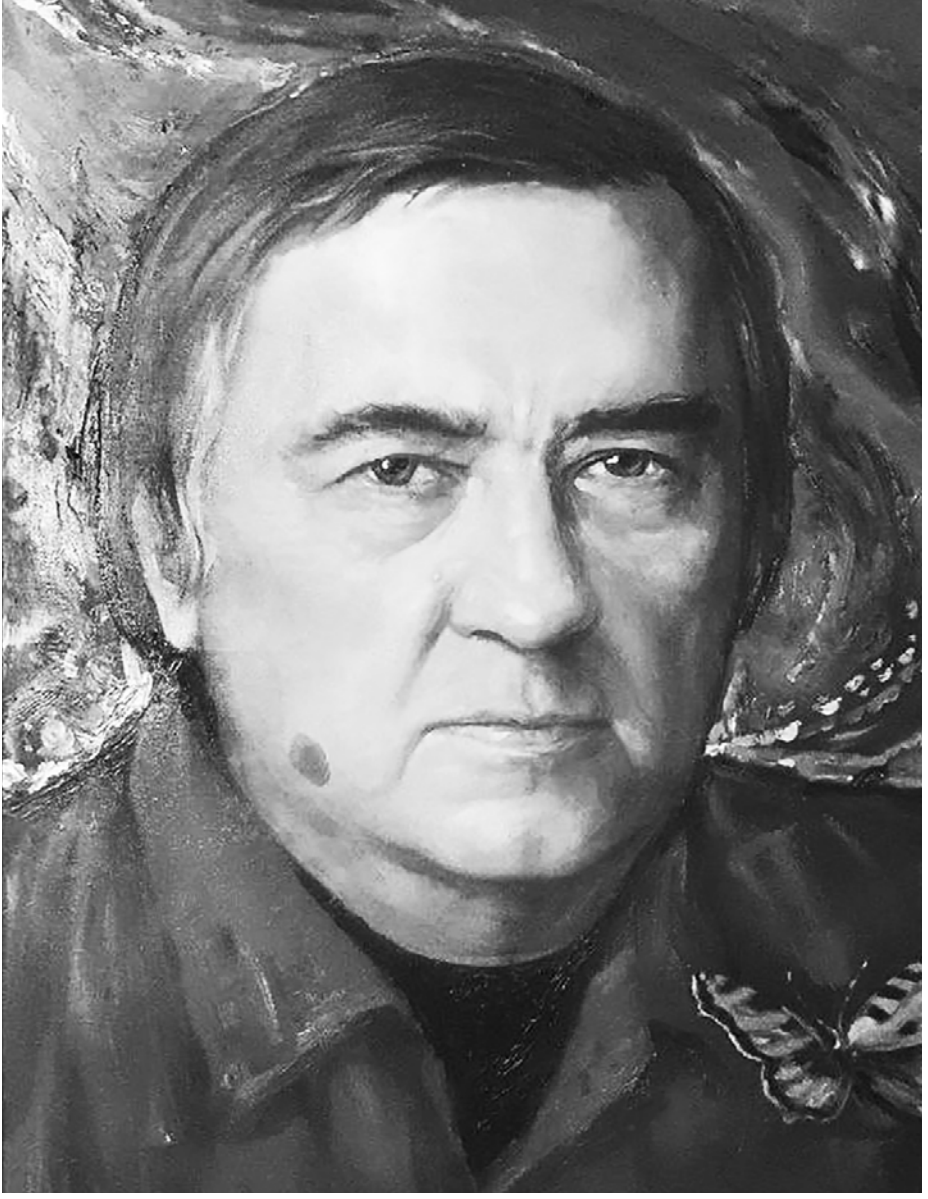
Но мы-то не утешения хотим. Мы хотим знать правду: бессмертна ли, прежде всего, человеческая душа? И во-вторых: бессмертие ждёт её только в инобытии или оно возможно и здесь, в том бытии, в котором мы были вызваны к жизни?

А устанет или не устанет человек от долгой жизни, сумеет ли он раскрыть в ней и в себе самом родники новизны, сохранится ли тело, в котором он родился и рос, или будет отброшено, как скорлупа отбрасывается выплывшимся цыплёнком, — это уже другой вопрос. Хотя и чрезвычайно важный.

И здесь, прежде всего, нужно понять, как связаны между собой идеи личного бессмертия и бессмертия Больших Величин: цивилизации, традиции, цепи преемств в человечестве. Эти два типа бессмертия могут и не предполагать друг друга. Именно так считали, к примеру, основатели марксизма: дескать, человек смертен, но он обретает бессмертие через развитие и продолжение его идей и деяний в обществе, в потомках.

Так ли это? Или одоление смерти всеобъемлюще и касается всего: и огромной цивилизации, и культурных памятников вместе с их гениальными создателями, и массы простолудино, которые творили тело культуры по крохам, от молекулы к молекуле, но иногда и разрушали это тело в войнах и смутах? А может быть, бессмертие касается даже, как говорит Проханов, вырубленных лесов и чуть ли не скошенных лугов...

Многие фантазёры, рассуждая на эту тему, высказывали сомнения в ценности для вечности мириад обывателей, бездарных мещан, далёких от творчества, способных только "подгрывать под себя", указывали на вырождение массы человечества в балласт.

ПАСХАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Часть вторая. Проханов и коды воскрешения

на умы людей, именовавших себя строителями коммунизма, было несомненным и таинственным. ...Это была школа под открытым русским небом, в которой безомысленные голоса учили закону Божьему". Мысль поразительная и, по-видимому, очень точная. В судьбе Проханова огромную роль сыграли псковские реставраторы — красители храмов, икон, сакрального пространства. "Здесь было воскрешение", — прямо говорит о них писатель.

Ещё одна мысль Проханова, которая поражает, — раскрывает его особое отношение к технике, к цивилизации, практически не имеющее precedентов ни в литературе, ни в философии. В поэтике XX века, когда техносфера властно вторглась в жизнь каждого человека, было — помимо браурных пропагандистских гимнов технике — немало и скорбных песен об этом вторжении, о наступлении города на деревню, машины на живую плоть, о мёртвой хватке индустрии, губящей первозданную природу, душащей сам человеческий дух. Возник новый эпохальный сюжет о "востании вещей", о споре между техникой и техником, грёзы и страхи о бунте против своего творца искусственных людей, роботов и големов.

Но у Проханова техносфера совсем другая: это не гимны, но и не плачи... Может быть, в зачаточном виде мы можем углядеть что-то подобное среди писателей у Андрея Платонова (причудливое очеловечивание машин, а также отвечающая трагическим отблеском "вечная жизнь" механизмов и колёс), а среди философов — у Павла Флоренского о его пониманием техники с позиции идеи "органопроекции".

Но в явственном и развёрнутом виде мы встречаем это именно у Проханова в его романых анналах второй половины XX века, в которых техногенная и фольклорная струи сливаются в новый восхитительный синтез, в неождённый живой миф. И этот синтез — советская цивилизация с её вершинным творением, космическим кораблём, "Энергия — Буран", как живущим родным, а не отчуждённым или радиационно опасным. Вернувшийся на землю "Буран" у Проханова издавал запах хлеба, а не оплавленного металла.

Этот подход, это одухотворяющее начало углубляют и развивают феноменальный русский взгляд на цивилизацию. Ведь цивилизация для нас — это вовсе не отстранённая машина по решению прикладных задач человечества. И это именно так, начиная как минимум с гениального Николая Данилевского (проблемски тех же идей можно найти и ранее — у Чаадаева, Одоевского, Герцена, Страхова, Аллопона Григорьева, и даже в древнерусских источниках). Первопроходец цивилизационной теории Данилевский увидел в культурных типах живые организмы, живые существа, каждое со своей неповторимой душой. Это коренная интуиция Жизни Больших Исторических Величин, исключительно важная для русского самосознания.

Лично для меня чрезвычайно дорожны, затрагивающими самые глубокие струны души словами, в которых я различаю эту самую интуицию и узнаю самого себя, стали слова из очерка Проханова: "Любое, самое малое семечко знает своё будущее, видит в себе огромное дерево, покрытое цветами, увешанное восхитительными плодами. Любый народ, даже самый малый, знает, что появился на земле неспроста, что им достигается божественный замысел..."

Сейчас, когда, по прохановскому выражению, "народы покидают стойло глобализма", когда вместо одной цивилизации потребителей и биороботов, на которую нас, казалось бы, обрели силы тьмы, вдруг звонко провозглашают о себе целый ряд государств-цивилизаций — важно понять, что несёт миру каждая из них, в чём её вклад в общее процветание рода человеческого, в чём её миссия?

Цивилизации — это не безликий глобальный техно-континуум. Напротив, в них лики, образы и образа. Каждый лик несёт в себе семя бессмертия. Потому и традиций-цивилизаций у Бога много — они "принадлежат" разным субъектам, "симфоническим личностям", несут на себе их печать.

Цивилизации как отдельные друг от друга "организмы истории" могут не только воевать и бороться между собой за жизненное пространство, но и сосуще-

трепещущую плоть Цивилизации как Существа... И это очень значимый шаг в мировоззрении, шаг, на который не решились ни Шпенглер, ни Юнгер, остановившиеся перед грандиозностью такой задачи.

НЕЛЬЗЯ ОБОЙТИ тот факт, что мысль о смерти "горчит", и каждый, кто столкнулся со смертью близкого человека, задумывается о безвозвратности утраты, о необратимости умирания и, как следствие, приходит к вопрошанию о бессмертии души, о воскрешении и посмертной встрече с теми, с кем нет сил расстаться по доброй воле.

В истории страх уничтожения личности приобретал гротескные формы и выражался в крайности религиозных течений. Так, противоположным следует признать учение древних египтян и учение Вед.

В Древнем Египте не было более страшной угрозы, чем угроза сожжения трупа человека после смерти. Каждый мечтал о бальзамировании и верил, что сохранение его мумии и тщательно соблюдаемые ритуалы обеспечат ему посмертное благополучие. Сходных взглядов придерживались в древнем Вавилоне.

У индустриалов всё было наоборот: похороны проходили в веселье и гуляниях, придаваемые ошущающему огню останки отправляли в последнее плавание, которое называлось освобождением и переходом в лучшую жизнь. Учение о переселении душ (то есть полной смене тел-оболочек и судеб) и посмертной карме задавало своеобразный механизм закрепления моральных максим и нравственного поведения.

Мировые традиции дают нам образы бессмертных как проклятых: таковы Каин, Агасфер, всевозможная нежить, являющаяся из могил, чтобы напиться кровью живых. Но те же традиции дают нам и образы праведников, смерть которых отложена в бесконечность, а может быть, и вовсе будет отменена. В ветхозаветной традиции это Енох. В христианстве — исчезнувший из могилы апостол Иоанн, о котором Иисус сказал апостолу Петру: "Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?" (Ин. 21:22). У суфиев это Хизр. У шиитов — сокрытый имам, который явится в последние времена. Такого рода бессмертие предъявлено верующим в ожидание исполнения истории.

Чрезвычайно большое внимание к теме встречаем у китайских даосов, у которых странным образом сочетались безмятежное, безоговорочное принятие смерти и тяга к бессмертию, когда человек способен не стареть, удерживая чудотворную производящую семенную энергию, направляя её по особым каналам Дао. Даосы мечтали таким образом добыть "эссенцию бессмертия", вырастить в себе "зародыш бессмертия". Существует целая традиция всевозможных практик, подобных монашеским практикам, в чём-то похожих на ряд школ йогов, которую иногда называют "даосской алхимией". Можно спорить на тему, какое именно бессмертие, по утверждениям даосов, достигалось такими мудрецами и мастерами алхимии. Но само по себе это доказывает глубокую заинтересованность китайского духа задачами достижения бесконечной жизни.

В знаменитом трактате Лао-цзы Дао де Цзин встречаем два противоположных высказывания. "Ни небо, ни земля вечно существуют не для самих себя". Нужно учитывать, что для даосов понятия "небо" и "земля" означают не только макрокосмическое, но и микрокосмическое, принадлежащее внутреннему человеку разделение, дида в чередё других дитя: инь и янь, луны и солнца, воды и огня, тигра и дракона и т. д.

А в древнекитайском трактате "Ле-цзы" сказано: "Те, кто хочет жить постоянно, без конца, не знают границ естественных законов". При этом подчёркивается, что древние святые называли мёртвого вернувшимся в свой подлинный дом, а живого — странствующим. Даос Ян Чжу, отвечая на вопрос о возможности достижения бессмертия, уверяет, что 100 лет более чем достаточный срок жизни для человека: "Жизнь невозможно сохранить тем, что её ценишь; тело невозможно укрепить тем, что о нём заботишься. Да и к чему нужна долгая жизнь?" Если человек уже прожил долгую жизнь и осознал, что в ней всё повторяется — "то и сто лет покажутся

Такого рода мысли стали чем-то вроде руководства к действию для неомальтузианцев XX века, строящих утопию устойчивого развития и сброса с Земли "мусорной биомассы".

Ярче всех это отражение к человеческим "излишкам" со свойственной ему мизантропией выразил ещё Джонатан Свифт, описавший жизнь бессмертных на земле (струльдбругов, обитающих в одной из его сказочных стран) как пребывание в убогом доме престарелых людей-теней с выпавшими волосами и зубами, с угасающей памятью, с нарастающим маразмом. "Образ жизни бессмертного, какой рисуется моему воображению, — пишет автор "Улливера", — совершенно невозможен. Он требует вечной молодости, здоровья и силы. А надеяться на это не вправе ни один человек... Струльдбруги не только упрямые, сварливые, жадные, угрюмые, тщеславные и болтливые, — они не способны также к дружбе и любви. Завидуют они прежде всего порокам юношей и смерти стариков. Король весело посмеялся, узнав о разговоре, который я вёл с друзьями. Он предложил мне взять с собой на родину парочку струльдбругов, чтобы излечить моих соотечественников от страха смерти".

Не в том же ли ряду стоят манипуляции позднесредневековых оккультистов, Парацельса с его ожившим "монстром-пенцом", иудейских раввинов и лжемесий с их големами, обобщённых в литературном образе "чудовищного Франкенштейна"? Такого рода бессмертие отталкивающее безобразно. И попытки трансуманистов зайти в бессмертие "с чёрного хода" не напоминают ли нечто подобное?

С другой стороны, православные ортодоксы нередко выступают с уничтожающей критикой идей посюстороннего бессмертия, ведь вечную жизнь души учение святых отцов и так гарантирует. Вернее, чаёт, согласно Символу веры: "Чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века". Воскресение Страшного суда, причём в тех же телах, что мы носим в этой жизни, конётся каждого — так стоит ли предпринимать проекты "общего дела"?

Такого рода аргументацию ряд последователей Фёдорова называли "пассивным христианством", ересью "смертебожничества". Христианство, утверждали они, должно быть активным, дерзновенным, чудотворным, по обетованию самого Христа: "Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит..." (Ин. 14:12).

Лев Толстой, несмотря на его, прямо скажем, непростые отношения с официальной церковью, уповал на эти обетования: "Одно из двух: или смерть, висящая над всеми нами, властная над нами и может разлучать нас и лишать нас блага любви, или смерти нет, а есть ряд изменений, совершающихся со всеми нами, в числе которых одно из самых значительных есть смерть".

Русские гении следующей эпохи, эпохи авангарда, выразят своё отношение к смерти ещё увереннее. Велимир Хлебников определил смерть как "лишь временное купание в волнах небытия". Андрей Платонов дал в "Чевенгуре" дикинину и ёмкую формулу — "пожить в смерти и вернуться". При этом невозможность воскресить умершего ребёнка обесмысливает в глазах главных героев "Чевенгура" победивший, как они считают, коммунизм (коммунизм понимает ими не иначе как пространство чудотворения), но саму тему и задачу бессмертия никак не развивает.

Главная причина, почему русский ум так настойчиво возвращается к этой теме, не может ни из чего быть выведена. Это не теорема, а аксиома. Такая установка сознания — отражение одного из главных русских цивилизационных кодов, которые мы в Изборском клубе называем кодом Пасхи или кодом Воскресения.

Наверное, ярче и лаконичнее всех этот код запечатлён Ф.М. Достоевским, говорившим в "Дневнике писателя" о русском народе: он "верит, что спасётся лишь в конце концов всеветным единением во имя Христова". Хотя и до Достоевского Н.В. Гоголь оставил в своих "Выбранных местах" ключевое пророчество: "У нас, прежде чем во всякой другой земле, воспринимается Светлое Воскресение Христова!" Очевидно, что обе эти формулировки были бы бессмысленны, если бы авторы

не подразумевали пасхальное спасение для всех, вечную жизнь для всех.

Профессор Иван Есаулов провёл масштабное исследование, вышедшее в виде книги "Пасхальность русской словесности". Он находит пасхальность во всей большой русской литературе, не только у Гоголя и Достоевского, но и у Салтыкова-Щедрина, и у Горького, и у многих других...

И действительно, если присмотреться, Пасха мощно взывала своими красками в русской книжности, начиная с самого начала: от "Слова о законе и благодати" митрополита Илариона (которое было пасхальной проповедью) и до наших дней.

ПАСХАЛЬНЫЙ, воскресительный код в русской картине мира не одинок, он взаимодействует со всеми другими кодами-аксиомами и порождает целый ряд производных. Я бы выделил прежде всего шесть таких производных.

Во-первых, это код Победы, который у нас невозможно отделить от пасхального начала. Пасхальная Победа — непреложная предпосылка русского духа, явлена она сразу, как готовое целое, как полнота бытия. Победа — не отдельное событие, это мир горний, в который прорываюся с боем, с кровью, неимоверным усилием. В этом мире, в царстве победы сияет путеводная звезда, которая манит к себе всех. Отсюда необыкновенное притяжение русского победоносного торжества. "Россия — предбанник Царствия Небесного", — изрекает Проханов. Не в этом ли корень "иоанновского духа", о котором вещают философы? Интуитивно в России все чувствуют, что в каждой из её побед поднимается на щит в первую очередь победа над смертью, победа во имя жизни. В русском сознании победить — значит исполнить своё предназначение. А в русском бессознательном победа есть не что иное, как прорыв в рай. Здесь слова "прорыв", "прорваться с боем" не должны никого смущать, ведь и Христос говорил, что "Царствие Небесное силою берётся..." (Мф. 11:12).

Во-вторых, из Пасхи как её неотъемлемая часть и свойство проистекает код Подвига, жертвенной самоотдачи. Без жертвы нет и Пасхи. Может быть, высшим подвигом для живой души стала бы жертва собой ради того, чтобы все сделали бессмертными? И не в этом ли суть подвига Христа, который сам есть Пасха?

Русская история испещрена жертвенными подвигами: Изборская крепость и Брестская крепость, Евплатий Коловрат и Александр Матросов, иннок Пересвет и псковские десантники, не говоря уже о сонме канонизированных святых мучеников и страстотерпцев. Любовь в принципе способна на безоглядную жертву, она способна пожертвовать своим личным бессмертием ради того, кого и что она любит. Другое дело, на поверку оказывается, что Жертва сама и есть Бессмертие, и есть Пасха, что Она преодолевает границы жизни и смерти, становится превыше их — Жизнью Вечной.

В-третьих, русская пасхальность обнаруживает себя в историософском измерении — как Возрождение самой России из исторических бездн, крушений, провалов. Россия как тот разрубленный богатырь, которого история после страшных Смут опрыскивает мёртвой водой, а затем водой живой.

Поэтому символ России служит сокрытый град Китеж, в легенде о котором говорится, что он поднимается со дна озера, "всплывёт" в последние времена. В прохановской мистике центральное место занял насыпанный им Изборский холм, в основании которого положены осколки звезды Вифлеема. В холме замешиваются "горсти муки для испечения пасхального хлеба". Эти горсти муки — земли пяти русских империй, пяти великих эпох. Холм воссоединяет их поверх провалов и разрывов истории, работая как машина времени, сшивающая и исцеляющая её рубленые и колотые раны, собирающая и стягивающая рассыпанную в смутах Россию.

В-четвёртых, из пасхального корня вырастает и код Неодолимости, неунывающего начала, символизируемого образом Ваньки-Встаньки. Это постоянное, упрямое внутреннее воскрешение к труду, к созиданию, к сопротивлению, к подвигу. Как зелёный росток прорывает асфальт, так же действует в нас и код Неодолимости.

Механизм Ваньки-Встаньки — способность упруго возвращать на положенное место центр тяжести, тем самым самому вновь обретаю свой центр. Пасха помимо всего прочего и прежде всего прочего — центральность сердечного бытия, его суверенность, его самостояния. Не это ли то самое "самостояние человека", в котором, согласно Пушкину, "залог бессмертия его"? У Пушкина это чудесное определение отнесено к "любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам". Здесь гений-поэт как будто ясно предвидел гений философа-космиста.

В-пятых, и это прямо следует из предыдущей мысли, пронизан пасхальными энергиями и код Воссоединения, возвращения к единству с теми, кто ушёл от нас, умер или был забыт. Именно в стремлении к отцам, к живым, а не мёртвым — "Бог не есть Бог мёртвых, но живых" (Мф. 22:32) — и наше состояние, и наше собственное бессмертие.

Этот код необычайно ярко выразился в символике Бессмертного полка, который стал знаковым прорывом для нашей эпохи, подтвердил подлинность наших надежд на национальное возрождение. По мысли Проханова, Бессмертный полк — это репетиция воскрешения из мёртвых.

Соответствующим коду Воссоединения является девиз "Никто не забыт".

Но окончательное воссоединение и восполнение всех утрат произойдёт лишь в Пантокрапии Высшей Памяти. Память выступает как путеводитель по свершившейся жизни, каждое мгновение которой бесценно, и может быть удержано только в дльшей непрерывающейся памяти Вечного Творящего мир Существа.

В-шестых, пасхальный код имеет такую важнейшую производную как Преображение бытия, насыщение неживого энергиями жизни, неэнтропия посредством человеческого труда и творчества, своего рода "антигравитация" как преодоление упрощения и расшатывания мира.

Именно в свете этого шестого производного кода обретает полнокровный смысл феноменальное прохановское одухотворение техносферы и цивилизации, которое, по моему мнению, становится его неоценимым вкладом в русское самосознание.

Это не отдалённая перспектива будущего, а работа, которая никогда не прекращалась. Огромные труды по освоению диких лесов, северных пространств, неудобий произвела Русская цивилизация в лице своих первопроходцев, инноваторов, крестьян-переселенцев, артельщиков, построивших цепи островов, новые города, тракты, Транссиб.

Необычайно ярко проявилась эта негнтропийная ипостась России после Победы 1945 года, что, конечно же, не случайно, а обусловлено единым пасхальным истоком этих явлений. Тогда код Преображения мира явил себя в невиданных результатах: — создании ракетной отрасли, напрямую воплотившей в жизнь один из главных замыслов русских космистов — выход человека в космос; — успех в создании ядерной отрасли, в которой СССР стал самым передовым инициатором проектов мирного атома, преобразив тем самым смертоносную заострённость технологии в животворящую, яд — в бальзам;

— сталинский план преобразования природы, ставший одним из самых масштабных в истории.

Важно, что этот рывок породил спектр сопутствующих научных открытий и технологических инноваций, придал новый импульс развитию нашей цивилизации, который и до сих пор не угас.

В 70-е годы прошлого века в мире началось ползущее сворачивание проектов освоения космоса и мирного атома, амбициозное преобразование природы также повсюду было, по существу, табуировано под предлогом защиты экологии. Произойдёт всё это то ли из-за техногенных аварий, то ли из-за испуга перед перспективой зарождения всемирной цивилизации нового типа, которая по существу своему порождает новый уклад, делает нынешних "хозяев денег" ненужными, а значит, так или иначе, откажется от их "услуг".

Прецедент невиданного преобразовательного рывка России середины XX века — важнейший и вдохновляющий опыт, и он проливает особый свет как раз на тему воскресительного потенциала Русской цивилизации. Ради чего мы и затеяли этот разговор.

Виталий АВЕРЬЯНОВ

Иллюстрация: портрет Александра Проханова кисти Ильи Глазунова (фрагмент)

Окончание — в № 36